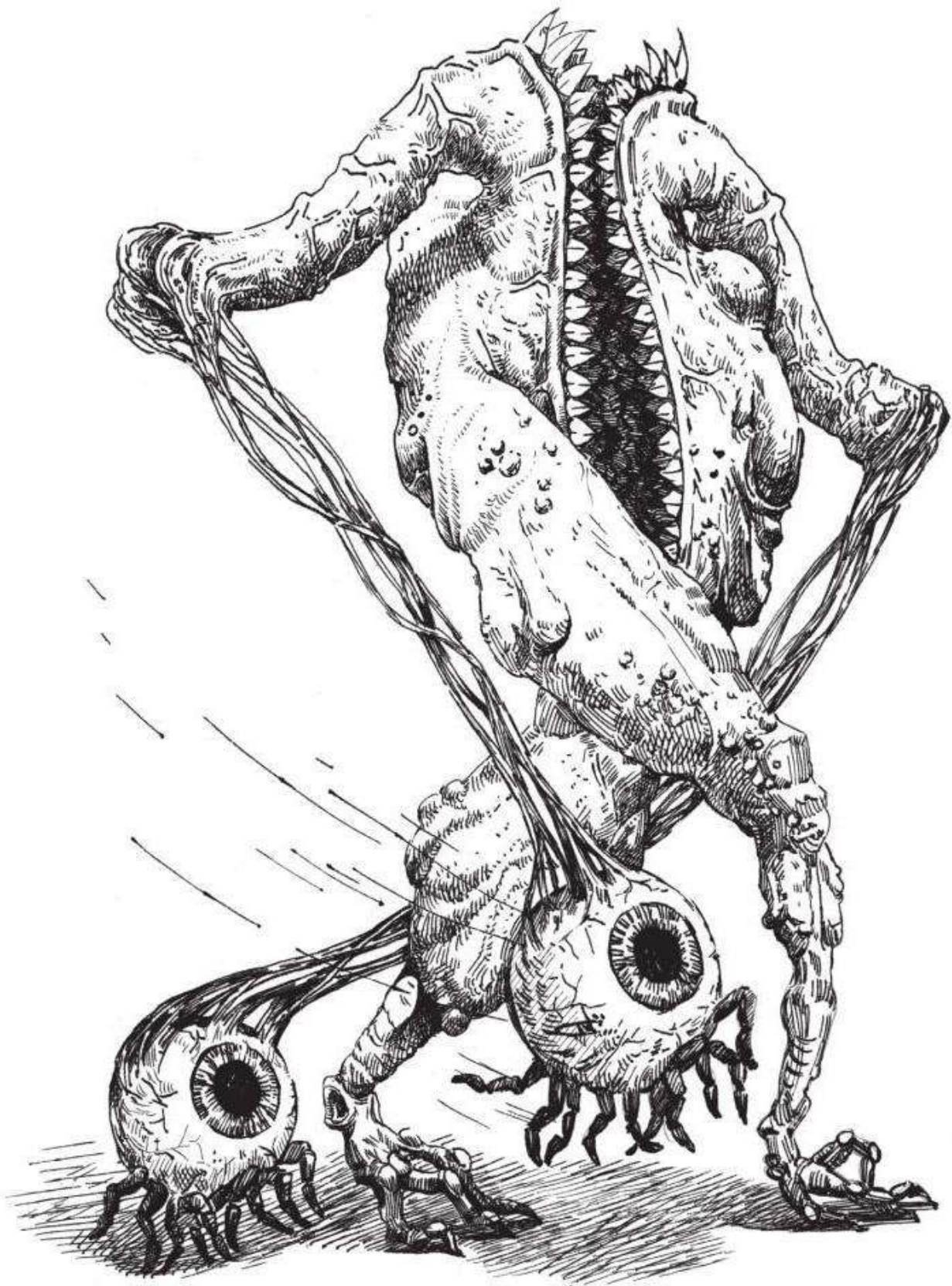

Белые кости

Лыбы диковинных форм, покрытые мхом, как малахитом, хранили в себе нечто большее, чем просто тайну. Птичьему глазу они виделись незыблемыми плитами, аккуратно сложенными в одном месте руками нечеловеческой силы. Ладонь так и тянулась погладить их, почувствовать влагу многовековой жизни, изученной, но далекой от человеческого сознания. Сокрытые тенью столетних сосен на вершине Шутовой горы, валуны смотрелись инородно, а потому и обросли пугающими легендами.

Безрадостный взгляд миновал урочище и устремился в немую глушь. Тяжелые подошвы кирзовых сапог вмялись в топкую почву. Лезвие ножа скользнуло по рослому стержню гриба. Подберезовик слегка наклонился, а через секунду упал на сырую землю, из которой пробивались травинки осоки. Мужчина средних лет в джинсовой куртке и черной кепке подобрал добычу и аккуратно положил в корзину, полную других грибов. После этого он посмотрел сквозь туманную дымку. В нескольких шагах от него виднелась маленькая зеленая полянка, встречающая гостя россыпью пышных коричневых шляпок на толстых ножках.

Растянув губы в азартной улыбке, грибник ступил вперед и мгновенно ощутил слабость в ногах. Тело обдало

жаром, руки затряслись, желудок скрутило, но без боли, словно от нахлынувшего голода. Грудь обожгло, и грибник нервно бросил руку к золотому крестику на цепочке. Шипя от боли, он все же смог сорвать его с шеи и кинуть на землю. На ладони остались красные следы. Крестик испускал пар, обдавал холодом, и холод этот был несравним с самыми глубокими льдами Антарктиды.

На уши давила могильная тишина. Воздух не наполнился птичьими трелями. Полнейшее молчание, не колеблемое даже ветром. Аромат лесной свежести сменился запахом серы. Над головой небо — не такое, как пару минут назад. Оно выглядело немного шершавым, как нарисованным на холсте.

«Что это?» — спросил себя грибник и устремил взор вдаль. Странные чувства одолевали разум, озноб колотил, а ноги едва не подкашивались при виде удивительной картины: густой до этого лес поредел, а грибная поляна и вовсе исчезла.

Грибник сделал шаг назад — к розовой пленке, к пересеченной им невидимой границе. Чувство страха тенью мелькнуло на тощем лице. Он двигался, но будто стоял на месте.

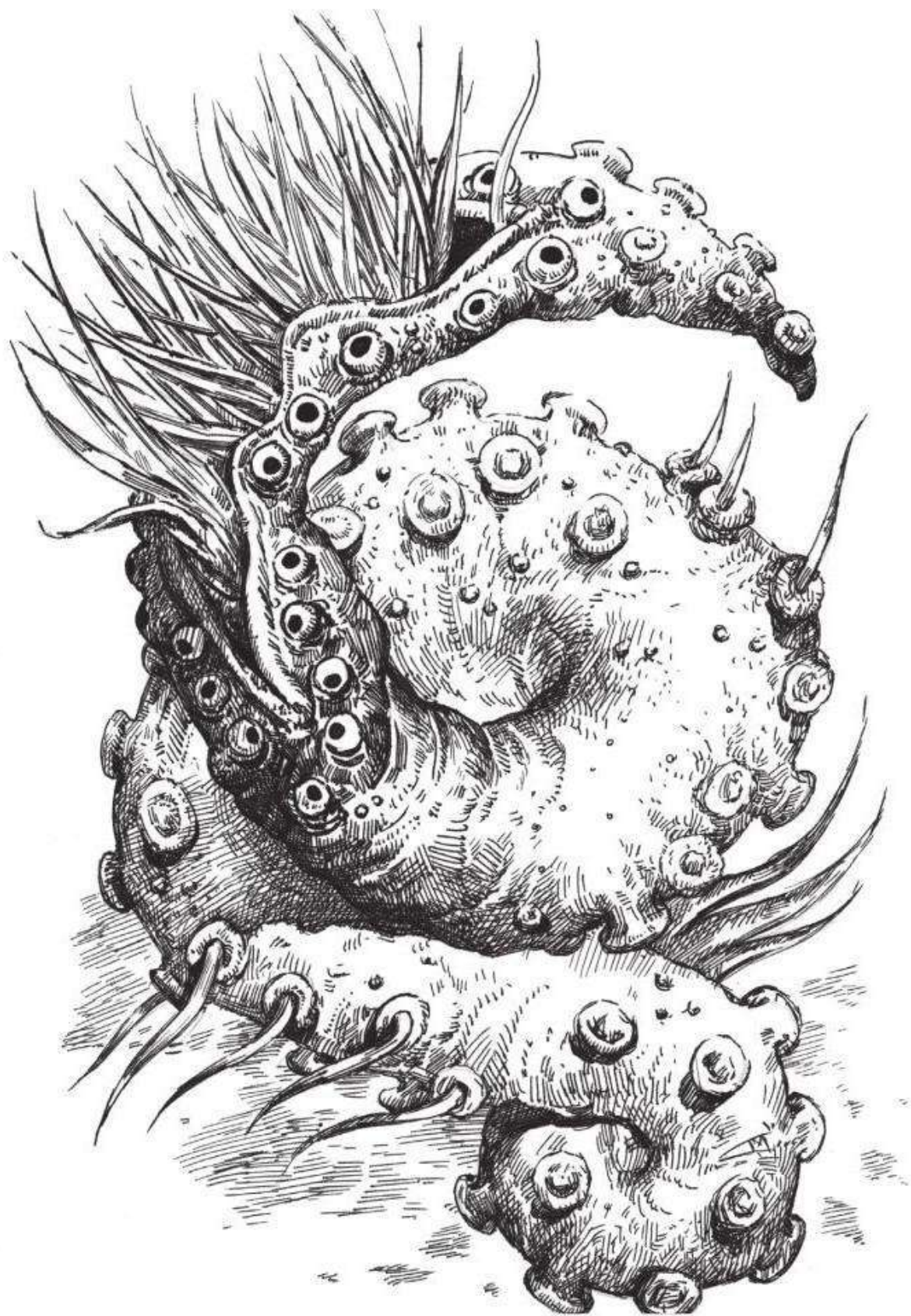
За спиной прозвучал стон, точно просящий о помощи, жалобный, но в то же время стылый, как сама смерть. Рука невольно ослабла. Корзина с грибами упала на землю. Нечеловеческий стон вновь расщепил острую тишину. Теперь он гремел тверже и ближе. Грибник обернулся. Перед ним стояло нечто, существо, не похожее ни на что на этой планете, как кусок необработанной глины. Оно едва перестав-

ляло тучное подобие ног и, казалось, явилось ниоткуда. Ни рук, ни головы. Склизкая кожа, покрытая шрамами, шевелилась, словно под ее толстым слоем кишели черви. Бледные рубцы расходились по мере приближения к жертве. Это были не шрамы — что-то похожее на присоски, как у пиявок. Из множества глубоких клыкастых отверстий доносились стоны, точно каждая душа, сожранная этим чудовищем, взывала о помощи, страдала, находясь внутри уродца. Оно испускало неприятный кисломолочный запах.

Мужчина отшатнулся, трясущейся рукой перекрестился. Губы шелестели, еле слышно читая молитву. Обреченный взгляд не сползал с монстра, приблизившегося почти вплотную. Острозубые пасти, как слизни, вытянулись и коснулись одежды несчастного. Тягучие кроваво-красные капли ползли по джинсовой куртке. Безумный крик — последнее, что разбудило глухую пустоту. Белые кости рассыпались по земле, а пропитанные кровью обрывки одежды покрыли их.

Имя мужчины в ближайшие недели будет с трагическим вздохом срываться с уст соседок по подъезду и мельтешить в газетах и на страницах социальных сетей в интернете. Когда группы поисковиков опустят руки, а траурный звон колоколов сольется с ревом убитой горем жены, имя пропавшего останется набором букв на надгробной плите. И будет оно вспоминаться лишь во время ночных посиделок у костра.

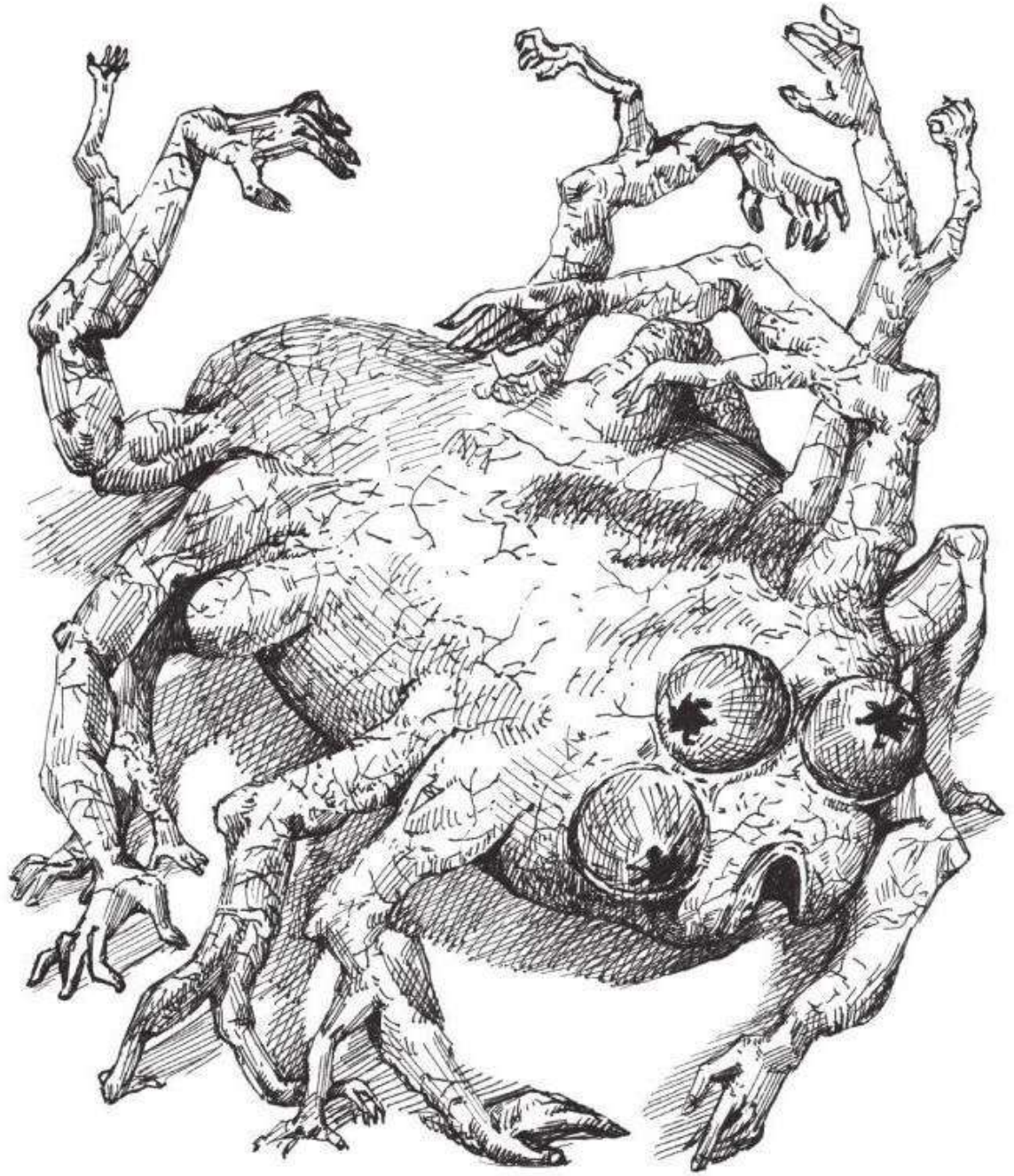
Пыльной дорогой

Под бархатистым светом осеннего солнца теснились безликие многоэтажки, отбрасывая тени на проезжую трассу, по одну сторону которой длинной полосой возвышались березы. Деревья ловили потоки ветра от мчащихся автомобилей, задыхались от гари выхлопных газов, примеряли очередную пыльную фату.

Неподалеку, под знаком автобусной остановки, в компании двух незнакомых людей стоял молодой человек, внешне похожий на байкера или на музыканта местечковой рок-группы. На вид не больше тридцати, лицо в грубой темной щетине, руки спрятаны в карманы кожаной косухи, а за плечом массивный рюкзак. Ростом он был чуть выше женщины, что позади него, но ниже стоящего рядом мужчины профессорского вида в костюме и с портфелем.

В три пары глаз они проводили отъезжающий от обочины автобус — должно быть, списанный Москвой лет десять назад, судя по механическому треску и черным клубам, вырывающимся из-под него.

Молодой человек достал из заднего кармана джинсов пачку сигарет, терпеливо посмотрел на нее и убрал обратно. «Черт меня дернул сюда приехать!» — подумал он, перебегая дорогу перед мчащимися автомобилями.

Профессор и женщина скрылись за дверью ближайшего магазина, у крыльца которого на корточках сидели двое бойцов этиловых войск. Оба выглядели устало, как после ночной смены, едва не засыпали. Между их тщедушными телами стояла измятая полуторалитровая бутылка, где пива оставалось на два пальца от земли. Мужчина в косухе поправил рюкзак и прошел мимо караульных, но вдруг услышал за своей спиной грубый клич: «Есть курить?» Он обернулся, в растерянности помотал головой. Тот, что спрашивал, дурманно хмыкнул и вернулся к позе горгульи, охраняющей продуктовый.

Оказавшись во дворе длинной многоэтажки, которую местные жители называли Китайской Стеной, он достал телефон, чтобы посмотреть время. Без пятнадцати три. На экране высветились два пропущенных звонка от заказчиков и четыре от мамы. С погрубевшим лицом он спрятал телефон во внутренний карман куртки. Пройдя по тропинке через безлюдный двор, вышел к перекрестку центральной, как показалось, улицы. В глаза бросилась провинциальная беззаботность, присущая любому небольшому городу. Те же разбитые дороги с коваными заборами вдоль вытоптанных газонов; выкрашенные в розовый цвет торцы многоэтажек соседствовали с серыми кирпичными малосемейками; продуктовые магазинчики, выросшие из постсоветских палаток, в которых раньше продавали жвачки, дешевый портвейн и сигареты поштучно. От прогоняющих взглядов прохожих не скрыться. Каждый брал на себя роль судьи и бегло изучал незнакомца.

